

УДК 81'1

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ УНИФИКАЦИЙ
С ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ

канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)

Обобщаются результаты исследования субморфных унификаций с именем собственным в якобсоновском понимании данного термина, то есть внеморфемных языковых знаков типа *-удэма* в *тудэма* – *стодэма*, *-issi* в *Lissie* – *Missie*, *-авушка* в *Клавушка* – *Мавушка*, *-аўка* в *Клаўка* – *шаўка*. Рассматриваются техники, используемые для формального объединения отдельных знаков в определенные унификации, и прослеживаются особенности реализации составленных с помощью установленных техник субморфных объединений с именем собственным в зависимости от гендерной идентичности говорящего субъекта в четырех культурах: белорусской, русской, английской и американской. Рассматриваются многочисленные примеры субморфов в унификациях с именем собственным. Отмечается частотность реализации данных унификаций, устанавливаются общие и культурно специфические черты маркирования гендера с их помощью.

Имя собственное неоднократно становилось объектом самого пристального внимания лингвистов. Проблемы происхождения имен личных, поиск хранимых ими смыслов, языковые особенности их конструирования составляют цель весьма продуктивных направлений в изучении личных имен с самой древности и по настоящее время включительно [1 – 3]. Результаты подобных исследований оказываются весьма притягательными не только для специалистов в соответствующих областях знаний, но и для самой широкой общественности, о чем свидетельствует огромный резонанс публикаций комментариев и разъяснений лингвистов по проблемам имен в самых читаемых средствах массовой информации¹.

Настоящая работа представляет собой описание результатов исследования весьма редких употреблений имени в подлинных актах коммуникативного поведения. Следует отметить, что наше внимание к именам собственным явилось следствием работы над, казалось бы, совершенно другой темой, имеющей своей целью изучение гендерных дифференциаций в функционировании языка. В соответствии с первоначальной гипотезой, сформулированной нами в самом начале изучения данной темы, не все языковые единицы в своем употреблении имеют гендерно специфичные черты. Предполагалось, что многие или некоторые из них могут оставаться гендерно нейтральными. К последним априори были отнесены имена собственные, которые, по нашему первоначальному представлению, должны употребляться одинаково всеми членами языкового сообщества независимо от гендерных стратификаций говорящих субъектов. «Собственное имя, – отмечал Е. Курилович, – принципиально неприложимо к другим индивидуумам. Вместо того чтобы просто обозначать, как все имена нарицательные, имя собственное называет» [4, с. 252]. Иными словами, оно подразумевает конкретный субъект и должно оставаться неизменным для идентификации данного субъекта, поэтому, казалось, оно употребляется всеми членами языкового сообщества одинаково. *John Bull* или *Елизавета* остаются таковыми в говорении всех обращающихся к ним или так или иначе упоминающих их членов коллектива независимо от их гендерной идентичности.

Результаты анализа фактов употребления имени собственного в аутентичном общении в четырех культурах (английской, американской, белорусской и русской) заставили усомниться в адекватности нашей предварительной гипотезы. Общие показатели употребления имени, частотность уменьшительных имен, их разнообразие, употребительность конкретных вариантов диминутивных имен, встречаемость в той или иной мере приниженных, дерогативных именовании, равно как и разнообразие последних, оказались в значительной мере соотносимыми с гендерной принадлежностью коммуникантов, правда, с некоторыми модификациями в зависимости от специфики той или иной из сопоставляемых культур [5]. Гендерно дистриктивным оказалось и стремление определенной части коммуникантов превращать имена собственные в классифицирующие наименования [6].

Дальнейшее изучение особенностей реализации имен собственных позволило получить новые данные о гендерных предпочтениях в их употреблении. Настоящая работа имеет своей целью представить научной общественности результаты анализа весьма редких, но вместе с тем упорно регистрируемых в вербальном общении представителей всех сопоставляемых культур разновидностей употребления имен собственных, а именно имен в составе так называемых субморфных или внеморфемных унификаций. Под последними понимаются образования типа *-уды* в противопоставлении *туды* – *суды*, *th- в this* – *that*, *-упо* в *тупо* – *глупо*, *-океу* в *хокеу* – *покеу*.

¹ См. регулярную рубрику В. Лемтюговой в «Советской Белоруссии» за последние годы.

Впервые о субморфных образованиях заговорил Р. Якобсон и убедительно представил их значимость для формирования системы склонения в русском языке, показав, что в данном языке сходство окончаний ограничивается либо одинаковым числом фонем, либо общностью одной из фонем (например, в любой парадигме множественного числа все окончания периферийных падежей начинаются с одного и того же гласного, а в прочих типах склонения все полифонемные окончания периферийных падежей содержат одну и ту же неслоговую фонему; все полиморфемные окончания косвенных падежей в женских типах склонения заключают $-j-$, а в остальных типах склонения все полиморфемные окончания Т. и Д., то есть необъемных периферийных падежей, содержат губную носовую фонему) [7, с. 195].

В дальнейшем наблюдения Р. Якобсона были дополнены убедительными данными А.А. Реформатского [8], А.А. Зализняка [9], В.В. Иванова [10], К.И. Позднякова [11]. Они показывают значимость унификаций обсуждаемого типа для конструирования и эффективного функционирования системы не только русского, но и, практически, всех попавших в поле исследования названных авторов многочисленных языков. Тем не менее, по справедливому замечанию К.И. Позднякова, неморфемные языковые знаки относятся к наименее изученным в системе любого языка и являются объектом рассмотрения только еще формирующейся области языкознания. И если некоторые из них получили хотя бы предварительное или фрагментарное описание, то унификации с именем собственным в своей структуре еще не стали объектом какого бы то ни было внимания исследователей, в том числе и тех, кто занимается исключительно антропониимикой. Сказанное объясняет новизну предлагаемого нами исследования.

Следует отметить, что субморфные унификации с именем собственным, равно как и разнообразие последних, упорно фиксируются, правда, в минимальном количестве во всех сопоставляемых нами культурах. Вот только некоторые из тех, что зафиксированы в наших записях подлинного говорения в четырех культурах, составивших приблизительно 40 000 слов текста на каждом из анализируемых языков, то есть на британском английском, американском английском, белорусском и русском языках, а также на так называемой трасянке. Всего рассматривалось более 200 000 слов текста.

1. А₁: *Mixa – uixa* дзе?
Б₁: (показывает глазами)
А₂: *A-a! Ну-ну. Так.*
2. А₁: *Где он?*
Б₁: *Ушел в интернет.*
А₂: *A?*
Б₂: *В интернет, грю, ушел.*
А₃: *A-a!*
Б₃: *Да.*
А₄: *Да. А чтоб тебя! Дура – Юра. Вот голова!*
Б₄: *Да. [H]*
А₅: *Ну все теперь. Ясно.*
3. А₁: *I don't like it when she's busy up to the eyes like that. I just don't like that.*
В₁: *Well, I don't know. You can't stop it anyway.*
А₂: *Why?*
В₂: *Cause she's a busy Lizzie you know I mean.*
А₃: *Oh!*
В₃: *Exactly. You know what I mean?*
А₄: *Yeah. Yeah but th th Well, I see! Oh!*
4. А₁: *А ты ей скажи. Вот. Ты ей скажи.*
Б₁: *Хы!*
А₂: *Да! Катя – Матя – душа человек.*
Б₂: *Катя – дураця, вот что я тебе скажу.*
А₃: *Ой!*
Б₃: *Точно не сделает.*
А₄: *Ну что ты! Что ты?! Что ты!?*
Б₄: *Тово ты! Понятно? Все, хватит.*
5. А₁: *А няхай зробіць шту-небудзь, няхай! Нічога. Нічога.*
Б₁: *Вой-вой-вой!*
А₂: *Праўда, праўда. А то (повышаєт голас, імітуе сабеседніцу) Лёнька – Лёнячка! Гы-гы! Лёнячка! Лёнька – Ляняка ён, вась хто!*
Б₂: *Ён стаміўся! Сыннок!*
А₃: *Не стаміўся, а заляніўся! Твой Лёнька – Лёнячка. Ляняка ён, кажу.*
Б₃: *Які ты! Божачка!*
А₄: *Ладна, ўсё! Хопіць! Няххай зрробиць усё! Як трэба! Ёйасна?!*

Как видно из представленных примеров, субморфные унификации возможны не только с именами собственными. Фрагмент диалогического единства из реплик 4А₄ и 4Б₄ (*Что ты!? Того ты!*) также представляет собой связанное или «двухстворчатое», в терминологии К. Чуковского [12, с. 106], объединение, созданное усилиями двух говорящих в процессе их совместного порождения диалогического текста. Очевидным образом члены таких пар включают как различающиеся, так и одинаковые звуковые сегменты, при этом общая формальная примета (*-оты* в обсуждаемом фрагменте) маркирует их как определенное спонтанно возникшее единство. Данная спонтанность вовсе не означает, что такие объединения случайны и не имеют никакого отношения к особенностям функционирования языка.

Задача настоящего исследования состоит:

- 1) в идентификации тех приемов или техник, которыми пользуются говорящие, чтобы формально эксплицировать сходство двух разных знаков, одним из которых является имя собственное;
- 2) в установлении возможных гендерных предпочтений в использовании тех или иных техник, которые и обуславливают появление субморфных унификаций с именем собственным.

Почти все представленные в примерах 1 – 5 объединения с фонетической точки зрения являют собой максимальное уподобление формы одного элемента другому. Унификации *Миха – ціха* (1А₁), *дура – Юра* (2А₄), *busy Lizzie* (3А₂), *Катя – Матя* (4А₂) в качестве общей составляющей имеют не только двусложные субформы (*-іха, -ура, -ІzІ/, -атя*), но и одинаковую структуру отличающихся сегментов (согласный звук, образующий слог с первым гласным сегментом субморфа, например, звук /j/ в слоге, обозначенном буквой «ю» слова *Юра*). Целесообразно заметить, что в русских и белорусском примерах это открытые слоги, в английском же объединении имеется определенная специфика, обусловленная особенностями силлабификации в данном языке, в соответствии с которыми граница между первым и вторым слогами в словах *busy* и *Lizzie* проходит не перед согласным /z/, а внутри него. Вместе с тем имеются и очевидные композиционные различия в конструкции рассмотренных структур. В объединениях *Миха – ціха, Катя – Матя* имя собственное является первой, инициальной составляющей, а в объединениях *дура – Юра, busy Lizzie – замыкающей*.

Роль фонетического аспекта в таких унификациях наиболее очевидна в объединении *дура – Юра*, в котором в угоду фонетической идентичности пожертвован даже признак рода, в результате чего объединенными оказались слово женского рода *дура* и мужское имя *Юра*. *Катя – дуратя* представляет собой с фонетической точки зрения менее унифицированное образование, несмотря на такой же, как и в *Катя Матя*, общий компонент. Слововое строение присоединенного, замыкающего слова в данном образовании имеет более сложную структуру, так как состоит из трех слогов. Тем не менее, если убрать слог *ду-*, то оставшаяся часть фонетически не отличается от слов, «комментирующих» имя в других рассмотренных нами структурах. То есть внутренняя структура слогов как присоединяемого слова, так и первого, инициативного, во всех рассмотренных объединениях идентична. Между тем значительное количество таких унификаций допускает не только изменение силлабической структуры в комментирующем, замыкающем слове за счет изменения количества слогов в нем, но и вариации внутреннего состава составляющих его слогов. Объединения типа *Катя – шматя, Nicky – Bricky, Fernie – Flernie, Дашка – брашка, Надзька – шмадзька* регистрируются во всех рассматриваемых выборках и составляют заметное количество в каждой из них. Сравнение отличающихся слогов в таких образованиях показывает, что данное отличие манифестируется, помимо всего прочего, изменениями во внутренней структуре слога. Модель CVC или CV превращается в CCVC или CCV.

Кроме перечисленных нами зарегистрированы весьма редкие случаи трехчленных унификаций с именем собственным (*Hillary Billary Brick, Маша Машенька Маиута*), которые имеют явную культурную специфику. В английских вариантах подобных унификаций, помимо двух максимально схожих в фонетическом отношении составляющих, реализуется третья, отличающаяся контрастной силлабической структурой, как правило, односложной. Причем данные моносиллабические составляющие могут еще отличаться и по внутреннему строению слога. Сходство может достигаться с помощью повторения отдельных звуков, входящих в структуру первого и/или второго слова. Русские варианты подобных унификаций в нашем подборе данных пятичленные (*Митя – итя – итя – тя – тя, Маша – каша – ша – ша – ша*). В русском говорении зафиксированы также и четырехстворчатые (в терминах К. Чуковского) образования, состоящие чаще всего из простого повтора сходных по звучанию имен (*Ваня Маня Таня Даня*) и реже – из просто схожих по звучанию слов и подобных им образований (*Томка комка домка ломка*).

Суммируя представленные данные, можно сказать, что фонетическое уподобление инициативных и последующих слов в составе субморфных унификаций достигаются с помощью весьма небольшого количества технических приемов:

- 1) повторения слоговой структуры инициативного слова с полным или частичным сохранением фонетического облика одного или нескольких его слогов;
- 2) разной локализации имени собственного в пределах субморфных унификаций;

3) изменения слоговой структуры последнего, «комментирующего» слова, как правило, не имени собственного, в результате чего данное слово приобретает дополнительный слог (чаще) или даже несколько слогов (намного реже);

4) изменения внутренней структуры одного из слогов последующего слова;

5) конструирования трех-, четырех- и пятичленных образований.

Общие количественные показатели встречаемости субморфных унификаций с именем собственным в нашем материале гендерно мало дистинктивны. Всего на 5 – 6 % в среднем женщины употребляют их чаще, чем мужчины. Кроме того, среди женщин зафиксировано больше говорящих, в вербальном поведении которых были обнаружены обсуждаемые унификации. Сказанное справедливо в отношении всех сопоставляемых культур.

Конкретизация количественных показателей с учетом техник фонетического объединения двух и более составляющих в определенное единство дала возможность получить данные, позволяющие убедиться, что гендерная идентичность говорящего субъекта вовсе не безразличный фактор в выборе средств субморфного объединения. Так, изменение последовательности расположения имени собственного в составе унификаций (помещение имени в завершающей позиции) больше свойственна женщинам, особенно в англоговорящих культурах (до 70 % таких реализаций): *messy Flossie, wicky Dicky, merry Derry, jolly Mollie, moody Mordy*, etc.

А вот изменения общей слоговой структуры последующего слова за счет свободного прибавления одного и более слогов в его состав значительно чаще наблюдается у коммуникантов мужчин: до 70 % в русской культуре в случае прибавления одного слога и 80 %, если прибавляется более чем один слог. Наименьший показатель в американской культуре – 60 %.

Многокомпонентные образования (три и более слов) чаще встречаются в говорении женщин (в среднем 65 %), при этом четырех- и пятикомпонентные почти исключительно в говорении женщин. Зарегистрированные нами мужские реализации таких образований представляют собой или передразнивание женского говорения (2 реализации), или являются фрагментом говорения бабушки с трехлетней внучкой (1 реализация).

Правомерно предположить, что любые нарушения языковых норм в угоду фонетичности субморфных образований больше свойственны мужскому говорению. Так, приводимое в примере 2 образование *дура – Юра* пренебрегает правилами манифестации грамматического рода. В нашей подборке данных таких явных нарушений фиксируется немного, всего 12. Показательно, однако, что 9 из них встречаются в говорении мужчин.

Помимо фонетических рассматриваемые образования, безусловно, имеют и ряд других языковых характеристик. Так, они могут быть образованы на основе полной, обиходно-бытовой, уменьшительной или, наоборот, уничижительной, сниженной формы имени собственного, что, как оказалось, также может соотноситься с гендерной идентичностью употребивших их коммуникантов. В полном соответствии с данными о значительной вероятности появления диминутивных форм в говорении женщин, особенно редких, в нашем материале унификации с уменьшительными именами собственными преобладают в вербальном поведении женщин. В русской культуре общий процент составил 65 %, в англоговорящих культурах он ниже и достигает только чуть более 55 %, что вполне соотносимо со значительно большей употребительностью уменьшительных имен в данных культурах в говорении как мужчин, так и женщин.

Примечательно также, что значительная часть диминутивных имен в составе субморфных образований в мужском употреблении является не инициативными, а ответными или продолжающими диминутивную линию, инициированную другим собеседником, как правило, женщиной. Примером такого подхватывания диминутивного «регистра» может служить унификация с именем *Катя – дура* в реплике Б₂ фрагмента 4, *Лёнька – Ляняка* в реплике А₂ фрагмента 5. *Лёнька – Лёнячка* в говорении коммуниканта А является цитатой из предыдущего вербального поведения собеседницы. Кроме того, мужские подхватывания и продолжения, особенно инициативные объединения с уменьшительным именем, в значительном количестве случаев оказываются вовсе не ласкательными, каковыми главным образом являются в женских манифестациях, а проявляют созначения сниженности, пренебрежения, иронии. Именно такой вариант наблюдается в приводимых примерах (*Катя – дура*, *Лёнька – Ляняка*). Лучше всего данная закономерность прослеживается в выборке данных, извлеченных из записей общения в русской культуре. Так, в нашем материале почти 40 % всех унификаций с именем собственным в уменьшительной форме в говорении мужчин употребляется с созначениями иронии, пренебрежения, насмешки или сниженности, грубоватости. То есть, помимо значительно меньшего количества употребления диминутивных имен в инициативных субморфных образованиях, мужское говорение обнаруживает определенное переосмысление диминутивных форм. Женщины также могут употреблять диминутивные имена в таком плане, однако делают они это значительно реже (12,5 %), что прослеживается даже в белорусской культуре, где обсуждаемый контраст манифестируется в меньшей степени, чем в русской (20 %). Как видим, казалось бы, мало отличающиеся общие количественные данные манифестации изучаемых единиц в говорении представителей разных групп скрывают значительные гендерные предпочтения, если их рассматривать с учетом менее обобщающих, частных, маргинальных особенностей.

Не менее красноречивые данные обнаруживаются, если рассматривать субморфные унификации с именем собственным с учетом содержательного аспекта, то есть семантики слов, формально уподобляемых с именем собственным. По нашим данным, такое уподобление может быть чисто формальным, то есть опираться только на фонетическое созвучие составляющих ту или иную унификацию слов, например: *Mordy – bordy* и *Mordy – dordy*, *Dolly – roly*, *Галячка – палячка*, *Нинуська – дудуська*, *Светка – табуретка*.

Сказанное, видимо, справедливо и в отношении ряда унификаций, в которых комментирующие или добавляемые слова сами по себе, в изолированном состоянии, имеют значения, но включены в унификации не благодаря этим значениям, а ввиду чисто фонетического сходства со словом-основой: *Василёчек – кісялёчек*. Мы полагаем, что разновидностью таких унификаций правомерно считать и объединения из нескольких имен, основанные только на их созвучии: *Галячка – Валячка*, *Ваня – Даня*, *Маня – Таня*, *Жора – Лора*, *Толька – Колька*, *Robbie – Bobbie*, *Mollie – Dollie*. Вместе с тем в говорении представителей всех сопоставляемых культур регистрируются объединения, нацеленные на манифестацию определенного смысла, создаваемого с помощью присоединения комментирующего слова: *Maddie – baddie*, *Moggy – doggy*, *Лена – пена*, *Клава – шалава*, *Валера – холера*, *Лёша – ноша*.

По нашим данным, как чисто формальные, так и основанные на семантике присоединяемых слов объединения присутствуют в говорении всех гендерных групп, однако в совершенно разных пропорциях. Логичность или семантизация двухстворчатых объединений с именем собственным чаще свойственны мужчинам (чуть более 65 % всех зарегистрированных в нашем материале случаев такого употребления). Женщины же, напротив, более охотно прибегают к чисто формальным, то есть учитывающим только фонетическую форму слов объединениям (до 70 % случаев в нашем материале). В качестве примеров подобного употребления, помимо указанных, можно привести следующие: *Nandy – brandy* (любитель выпить), *Светка – сетка* (ловит кавалеров), *Клаўка – удаўка* (погубит жизнь), *Нинося – авося* (любит говорить «авось»), *Мікола – прыкола* (часто говорит смешное), *Ferdie – wordie* (многословен), *Judy – moody* (отличается переменчивым настроением), *Міхаська – дыбаська*, *Міхайла – дыбайла* (особая походка).

Мужскими унификациями в данном перечне являются первые три и последняя. Они представляются типичными несколько сниженными номинациями субъекта в мужском говорении (см. также реплику Б₂ приведенного ранее фрагмента 4 и А₄ фрагмента 2). Женские унификации (*Нинося –*, *Мікола –*, *Ferdie –*, *Judy –*, *Міхаська –*) чаще описывают сущность именуемого субъекта через обозначение его эмоционального состояния, характерных черт поведения и особенно говорения (*авося*, *прыкола*, *wordie*).

Особую группу составляют унификации, состоящие из разных вариантов одного и того же имени: *Нінка – Нінулька*, *Даша – Дашута*, *Толь – Толічак*, *Florrie – Flo*, *Dotty – Dot*. Такие унификации, а также те из них, которые состоят из двух разных, но фонетически сходных имен (*Жора – Лора*), являются весьма характерной чертой женского говорения. Так, до 80 % подобных объединений на основе имени собственного зарегистрировано нами в вербальном поведении женщин, где они приобретают самые разные созначения: теплоты, ласкательности, более близкой дистанции в отношениях и только иногда иронии, насмешливости, пренебрежения. В говорении мужчин они чаще всего используются для передачи иронических созначений. Кроме того, как правило, мужские унификации данной разновидности не инициативны, а «заимствуются» у реализовавших их ранее собеседниц или соответствуют духу их высказывания.

Любопытно также, что значительное количество славянских двусоставных унификаций в говорении, как правило, женщин (*Коль – Колюшенька*, *Вер – Веруша*, *Тань – Танюша*; *Любка – Любачка*, *Тонька – Тонячка*, *Нінка – Нінулька*) представляет собой сочетание композиционно менее сложных (одно или двусложных) наименований с более развернутыми, многосложными вариантами одного и того же имени. Белорусские объединения данного плана в нашем материале и в подборках на основе наблюдений встречаются значительно реже (более чем в 3 раза): *Казь – Казічак*. Кроме того, почти все они начинаются с двусложного варианта имени (*Лёнька – Лёнячка*, *Нінка – Нінулька*). Мужские употребления таких объединений, как правило, не инициативные, а подхватывающие соответствующую линию вербального поведения собеседниц или имитирующие, как бы цитирующие говорение обсуждаемой ими женщины. Кроме того, данные цитации или подхваты зачастую приобретают оттенки иронии или насмешки, в них начинают «просматриваться» определенные коннотативные смыслы уничижения. Так, *Лёнька – Лёнячка* превращается в *Лёньку – Лянюку*, манифестируя не только определенное добродушное подтрунивание (с помощью суффикса второго конституента *-як*), но и приобретая вполне определенные смысловые коннотации: лодыря (А₂, 5). Как видим из примера 5, в мужском говорении образование *Лёнька – Лёнячка* представляет собой воспроизведение или цитирование свойственного собеседнице варианта употребления имени обсуждаемого субъекта. Авторский (мужской) вариант *Лёнька – Лянюка*, хотя и диминутивный по форме, все-таки дистанцируется от весьма распространенного в женском говорении уменьшительного и чисто ласкательного субморфного образования с именем собственным в своем составе. Данное дистанцирование как раз и совершается с помощью весьма традиционных для мужчин способов манифестации подобных объединений, а именно: ироничности и привнесения определенных смысловых

нюансов, в результате чего не имеющие никаких семантических референций объединения начинают такие референции обнаруживать, в них появляются не прослеживаемые ранее смысловые оттенки (ср.: *Лёнька – Лёнячка* и *Лёнька – Ляняка*).

Английские унификации, если они состоят из двух вариантов одного имени, в нашем материале и в записях, сделанных на основе наблюдений, строятся иначе: первая составляющая обсуждаемых образований, как правило, представляет собой более сложную слоговую структуру, а вторая – менее сложную, в большинстве случаев однослоговую, например: *Doree – Dore*, *Clarry – Ree*, *Larry – Ree*. Сказанное справедливо и в отношении подавляющего количества англоязычных трехсоставных унификаций:

1. <i>Hillary – Billary – Brick</i>	9. <i>Judy – Goody – Dodge</i>
2. <i>Gwendolyn – Mendolyn – Doll</i>	10. <i>Judy – Moody – Judd</i>
3. <i>Clarry – Larry – Rick</i>	11. <i>Judy – Moody – Mud</i>
4. <i>Johnnie – ohnnie – ohn</i>	12. <i>Robbie – Bobbie – Rob</i>
5. <i>Joannie – ohny – ohn</i>	13. <i>Robbie – obbie – ob</i>
6. <i>Cressida – Blessida – Bess</i>	14. <i>Lizzie – Peezy – zip</i>
7. <i>Cressida – Messida – Mess</i>	15. <i>Lissie – Missie – kiss</i>
8. <i>Nicola – Pickola – Dock</i>	

Примечательно, что в представленной подборке третий элемент в английских трехсоставных унификациях всегда не только односложный, но и обязательно имеет краткий гласный в качестве своего слогового центра. То есть из всех возможных вариантов длительности односложного заключительного компонента говорящие, как правило, выбирают минимальный по протяженности вариант. Некоторые вариации краткости возможны только за счет характеристик длительности слогового гласного под влиянием завершающего компонента в слог: относительно менее минимальной, если вслед за кратким гласным следует завершающий звонкий звук (*-Doll*, *-ohn*, *-Dodge*, *-Judd*, *-Rob*, *-Mud*), и максимально короткой, если финальным звуком в слог является глухой звук (*-Rick*, *-Brick*, *-Bess*, *-Dock*, *-zip*).

В мужских трехсоставных объединениях с именем собственным чаще и более сильно прослеживаются определенные смысловые коннотации, наблюдается некоторая логическая мотивированность предлагаемых компонентов субморфных объединений. Так, в субморфном единстве 1 явно обозначается сначала референция к известному имени *Bill*, далеко не маргинальному в судьбе *Hillary*, а затем и весьма однозначная оценка личности именуемого субъекта, а именно *Brick*, то есть *молодец!* Данная оценка, правда, осуществляется с нарушением правил употребления слова *brick* в отмеченном значении. В соответствии с требованиями словаря, оно должно соотноситься с поведением лиц мужского пола [13, с. 277]. Девиативность, однако, является весьма характерной чертой мужского вербального поведения и в данном, конкретном образовании отмеченное отклонение от нормы вовсе не является единственным. Таким правомочно признать также изменение слоговой структуры заключительного слова, а именно привнесение в начальную часть слоговой структуры третьего компонента, согласного /r/, в результате чего вместо традиционного сочетания C/VC получаем CCVC.

Семантическая составляющая прослеживается и в других трехчленных субморфных объединениях, сегментированных из фрагментов мужского говорения, весьма немногочисленных в нашем перечне (7, 9, 10, 14).

Вместе с тем ряд унификаций, сконструированных женщинами, также имеет некоторые смысловые референции, правда, часто менее четко обозначенные по сравнению с мужскими или менее агрессивные. Так, то, что *Gwendolyn* (2) выглядит как куколка (*doll*), а *Cressida* отмечена божьей милостью (*Blessida*), достаточно очевидно, а вот то, что *Clarry* (3) нужно воспринимать вместе с ее двумя поклонниками *Larry* и *Rick*, может быть известно только весьма узкому кругу знакомых с нею людей. В женской номинации *Judy* (11) отличается изменчивым настроением (*Moody*), в мужской (10) к настроению прибавляются референции, исходящие от известного имени *Judd*, то есть *Judah* (Иуда), что делает все трехчленное наименование 10 значительно более агрессивным.

Особой разновидностью трехчленных, а в русской и белорусской культурах и более многокомпонентных объединений, являются образования типа *Johnny – ohnnu – ohn* (см. также № 12, 13, 5), которые на второй и третьей позиции в своем составе реализуют в основном чистые субморфы или их фрагменты, без каких-либо приращений, перестановок или замен, например: *Миця – іця – іця – ця – ця*. В отличие от объединений типа 1 (*Hillary – Billary – Brick*), в которых в каждом последующем компоненте прослеживается определенное преобразование предыдущего (или предыдущих) членов цепочки, в обсуждаемой разновидности субморфных объединений с именем собственным наблюдается убывание количества составляющих первый, а потом и второй и т.д. элемент знаков: *Robbie – obbie – obb*.

В русской и белорусской культурах при этом возможна диминутивизация подобных объединений, локализирующаяся, как правило, в последнем компоненте объединений. Изредка, однако, диминутивные формы встречаются уже во втором компоненте или уменьшительными являются все составляющие цепочки, например: *Шурик – урик – урикашка*, *Вицька – Вицятка – Вицятка*. Диминутивизация меняет

структуру подобных объединений в обоих славянских языках: из все более усеченных в каждом последующем компоненте, как это имеет место в английском и американском языках, они становятся расширяющимися или, реже, не уменьшающими количество слогов в последнем компоненте. В последнем примере (*Вицька – Віцятка – Віцятка*) второй и третий компоненты не идентичны, ибо имеют разную акцентную структуру: / ' _ _ _ / и / ' _ _ _ /.

Отмеченное расширение или хотя бы неусечение в завершающей части является весьма распространенной особенностью образования многокомпонентных унификаций с именем собственным в русской культуре, например: *Коля – Коля – Николаша, Маша – Машенька – Маишута, Вовушка – овушка – ковушка, Катя – Катенька – Катюша*. Если исключить редкие случаи передразнивания, иронизирования или имитации женской речи коммуникантами-мужчинами, все зафиксированные нами реализации подобных объединений являются женскими.

Примечательно также, что количество реализаций подобных единств в говорении белорусов минимально и в разы отличается от показателей, зафиксированных в русской культуре. В англоязычном материале подобных образований не обнаружено вовсе, кроме относительно широко известного *jeezy – peezu – leton – squeeze*, в котором *jeezy* можно трактовать как уменьшительный вариант слова *jeez*, представляющего собой искаженное имя собственное *Jesus* [14, с. 276].

Нетрудно заметить, что все представленные в настоящей работе субморфные унификации с именем собственным (трехчленные и более) обладают способностью модифицировать тональность тех речевых действий, в которых они реализуются, сообщая им созначения меньшей формальности или отстраненности, большей фамильярности и т.п. Мы соотносим подобные явления с изменением проксемических показателей высказывания, то есть модификацией дистанции или расстояния, на котором именуемый субъект представляется говорящим в проецируемом им фрагменте языковой картины мира. Так, *Клавдия* и *Клавдия – Мавдия* имеют в виду одного человека. Однако в первом варианте своей реализации названное имя подразумевает достаточно нейтральную или даже относительно отстраненную, «формальную», «уважительную» дистанцию между говорящим и проецируемым им языковым изображением. *Клавдия – Мавдия* уменьшает формальность, реализующее данное субморфное образование речевое действие сразу приобретает разговорные черты, все высказывание видится как менее дистанцированное, несмотря на некоторые отрицательные коннотации (подтрунивание, высмеивание, общая сниженность), которые в нем проскальзывают. *Клавушка – Мавушка* делает приближение, то есть сокращение дистанции, еще более четко представленным, ибо в данном образовании прослеживаются еще и созначения ласкательности, теплоты, уменьшительности.

Сравнение употребления субморфных унификаций с именем собственным с разной степенью дистанцированности от называемого субъекта позволило получить данные о значимости гендерной составляющей в обсуждаемом плане. В женских реализациях показатель самых коротких дистанций, как правило, выше. Более того, значительное количество женских унификаций сообщают только данный смысл: приближенность, интимность, теплоту, касание душ. Неслучайно диминутивные формы в составе субморфных унификаций с именем собственным значительно чаще употребляются в женском говорении (до $\frac{2}{3}$ всех зарегистрированных). Так, *Lissie – Missie – Kiss* вместо *Melissa* имеет прежде всего созначение теплоты и близости. Данное общее созначение складывается из двух уменьшительных вариантов одного имени и непосредственного значения слова *kiss*. Кроме того, оно усиливается повтором названных уменьшительных форм, подчеркивается необычностью, даже ненормированностью сочетания разных форм одного имени в одном акте именованья, привлекая к созначению близости, касания душ внимание собеседника. Только созначения теплоты, дружелюбия в женском говорении передают и многие чисто фонетические объединения (*Клавушка – Мавушка*).

В мужских реализациях даже относительно короткие дистанции, проецируемые субморфными унификациями с именем собственным, несколько удлиняются в них, по сравнению с женскими, чаще прослеживается некоторая отстраненность. Последняя чаще всего манифестируется за счет подтрунивающего, ироничного или сниженного характера мужских именованья данной разновидности, их акцента на определенную логику. В нашем материале почти $\frac{3}{4}$ всех подтрунивающих, сниженных номинаций обсуждаемой разновидности приходится на мужское говорение. Несколько меньший процент зарегистрирован для реализаций в белорусской культуре, но и там он достаточно высок – более 65 %.

Заключение. Обобщая полученные данные правомерно сделать вывод о том, что субморфные унификации с именем собственным являются малочастотными образованиями во всех сопоставляемых языках и по общим количественным показателям своего употребления гендерно мало дистинктивны. Дифференциация унификаций с учетом их фонетических, лексических и семантических особенностей позволила получить данные о гендерной предпочтительности многих из них.

Разновидностей или техник унификаций, соотносящихся с каким-то одним гендером, не обнаружено. Значимыми оказались только показатели количества. Имя собственное с их помощью оказывается вовлеченным в конструирование гендерной идентичности говорящего субъекта и в составе субморфных

унификаций, что позволяет с еще большей уверенностью опровергнуть предположение о нейтральности имени в плане гендерной дифференциации в употреблении языка.

Представленные данные, безусловно, требуют уточнения на основе более обширных специальных исследований особенностей конструирования и употребления субморфных унификаций с именем собственным как простых, то есть двусоставных, так и более сложных, имеющих в своей структуре 3 и более компонента. Вместе с тем наши выводы, сделанные на основе изучения унификаций, встретившихся в записях подлинного общения в целях выявления характеристик гендерной специфики говорения, могут быть весьма полезны для дальнейших углубленных работ, ибо они отмечают частотность таких образований в аутентичных текстах, устанавливают целый ряд способов их конструирования, описывают вариативность их реализации в зависимости от гендерной и культурной идентичности говорящего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, Т.М. О единстве ономастики и/или о новой ветви «антропонимики» / Т.М. Николаева // Вопросы языкознания. – 2009. – № 3. – С. 3 – 18.
2. Топоров, В.Н. Имя как фактор культуры / В.Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. – М., 2004. – Т. 1. – С. 204 – 216.
3. Andersen, J.M. The Grammar of Names / J.M. Andersen. – Cambridge: Cambridge University Press, 2007. – 352 p.
4. Курилович, Е. Очерки по лингвистике / Е. Курилович. – М., 1964. – 460 с.
5. Путрова, М.Д. Гендэрныя асаблівасці ўжывання імя ўласнага / М.Д. Путрова // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 4. – С. 187 – 196.
6. Путрова, М.Д. Гендерные особенности употребления неконвенциональных имен собственных / М.Д. Путрова // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 181 – 182.
7. Якобсон, Р.О. Морфологические наблюдения над славянским склонением / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
8. Реформатский, А.А. Местоимения / А.А. Реформатский // Очерки по фонологии, морфонологии и морфологии. – М., 1979. – 210 с.
9. Зализняк, А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку к общему языкознанию / А.А. Зализняк. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 752 с.
10. Иванов, В.В. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему / В.В. Иванов. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 208 с.
11. Поздняков, К.И. О природе и функциях внеморфемных знаков / К.И. Поздняков // Вопросы языкознания. – 2009. – № 6. – С. 35 – 64.
12. Чуковский, К.И. От двух до пяти / К.И. Чуковский // Собр. соч. в 15 т. – М.: Терра-Книжный клуб, 2001. – Т. 2. – 640 с.
13. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / ред. Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 1. – 832 с.
14. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. / ред. Ю.Д. Апресян, Э.М. Медникова. – М.: Русский язык, 1993. – Т. 2. – 828 с.

Поступила 11.12.2010

ENGENDERED CHARACTERISTICS OF UNIFICATIONS WITH PROPER NAMES

M. PUTROVA

The article reports results of research into submorphemic unifications with proper names in their structure. The submorphemic unifications are meant to be units described by R. Jakobson, that is submorphemic linguistic signs of the type -удэма в тудэма – сюдэма, -issi в Lissie – Missie, -авушка в Клавушка – Мавушка, -аўка в Клаўка – шаўка. Integrating techniques enabling separate signs to build up the above type unifications with proper names in them are considered; comparative characteristics of their realization are described with constant reference to the engendered identity of speaking subjects in four cultures: Belarussian, Russian, English and American. Many examples of submorphemic integrations with proper names are interpreted, their common as well as gender and culture specific features are described.